

Александр Дорошенко

Металлобаза «Чаша Грааля»

Заметь, мой верный и преданный оруженосец, как беспросветна ночь, как необычно безмолвие, как глухо и невнятно лепечут листья, как жутко шумит поток... Все эти явления... способны заронить боязнь, страх и ужас в сердце самого Марса... Однако все эти описанные мною ужасы только пробуждают и воспаляют мою отвагу, и мое сердце готово выпрыгнуть из груди – до того жажду я броситься в это приключение, каким бы трудным оно не представлялось. Поэтому подтяни немного подпруги у Росинанта, и да хранит тебя Бог!

Мигель де Сервантес и Сааведра. Дон Кихот

Город был древнее, лучше и чище всего, что в нем происходило. К нему не приставала никакая грязь.

Осип Манделъштам

На Пересыпи, на траверсе сахарного завода, влево за переезд, в районе Лиманчика, напротив станции очистки (туда свозят отловленных бездомных животных и там совершается братоубийство, если мы всерьез верим, что у нас есть «меньшие братья»), среди островков камышей, густо покрытых пылью разбитых дорог, среди озерных непросыхающих луж, в которых машинное масло разбавлено дождевой водой, расположены всякие базы и склады металлоизделий. К ним, ковыляя по выбоинам дорог и густо разбрызгивая лужи, опасно наклоняясь в сложных местах рельефа, под небом голубым идут грузовые машины за черным металлом – листом, прокатом и бухтами проволоки. (Этот металл не черный –

он ржавого цвета, он на самом деле цветной.) Наша цель была обозначена громадными буквами вывески, и размещены эти буквы были на заборе с каждой стороны от ворот, жирной кистью и густой масляной краской, на которую не поскупились, чтобы водитель мог издалека определиться в направлении пути:

«Оптовая база металлоизделий и стройматериалов «Чаша Грааля»*, – всегда широкий выбор!»

---

* Святой Грааль это чаша, служившая во время Тайной Вечери, в которую Иосиф Аримафейский собрал затем кровь и воду, хлынувшую из раны в боку Иисуса, нанесенной копьем центуриона Лонгина. По легенде эта чаша попала впоследствии в Британию, и так установилась связь между кельтской традицией

Нам нужен был листовой металл. Справа от ворот, во дворе базы, среди растительности, обозначенной чахлыми ржавого цвета кустиками, в одноэтажном строении с колонками тосканского, как принято в Городе, ордера по бокам входа, находилась контора. Собаки здесь, как и на всех таких базах и складах, многочисленны, связаны родством и умеренно сыты. Их масть определить никак невозможно, от гипсовой пыли, от ржавеющих гор металла, от разговорной бытующей здесь речи они переняли цвет, и он похож на ржавчину, припорошенную пылью. Только щенки еще сохраняют белые и черные пятна... Им, щенкам, весело бегающим вокруг, вселенная представляется только такой – горами металла, бухтами проволоки и арматуры, мешками с цементом и гипсом, натужно ревущими моторами буксующих в лужах масла машин. Языку они учатся у грузчиков. Командует базой и отпускает товар дама средних лет с плотным усестом и с давнишними следами былой красоты. Дама курит, голос имеет зычный и умеет им пользоваться. Такова профессия – вокруг царит простота нравов – среди грузчиков, водителей и экспедиторов. Все они ждут на улице перед домиком и входят по очереди, дисциплинированно. На входе гасят окурок и вытирают ноги.

За спиной дамы висела на ржавой стене великолепная размерами и цветом фотография – «Монплеизир в Петергофе», густая зелень деревьев ласкает стены дворца и все полно влажной питерской прохладой – видно, что весь день шел приятный питерский и потому затяжной осенний дождь, и пропиталась земля и листва, и стены, и скамьи в парке влагой, и чувствуется запах прелых листьев. Где-то там, в глубине, брошенное впопыхах на кровать, белеет сквозь венецианские зеркальные окна вечернее платье Екатерины, бежавшей за властью и в бессмертие. Мы с дамой быстро роднимся на основе этой фотографии – Питер ей родина, а мне юность. Относительно названия конторы, как возникла такая красивая и удачная мысль, выясняется, что владельцам базы эта «Чаша» представляется вариантом рога изобилия, чтобы

и христианством. «Круглый стол», сооруженный королем Артуром по замыслу Мерлина, предназначался именно для Граала (Прим. автора).

клиент сразу мог проникнуться уверенностью, что на такой базе есть всё и всегда, и так всегда будет!

(Это основа торговли. Помните незабвенного Швейка, посланного фельдкуратором Отто Кацем за освященным елеем и бесплодно обошедшего множество аптек и лакокрасочных магазинов, пока в фирме Полак на Длоугой улице хозяин на просьбу Швейка не сказал приказчику: «Пан Таухен, налейте ему сто граммов конопляного масла номер три», – и Швейк ушел довольный.)

О, великие тени рыцарей, неужели вы незримо присутствуете здесь, собранные этим магическим именем «Чаши»?.. О, Ланселот и неистовый Роланд, как мне различить ваши тени среди разбитых унитазов и проволочных гор! И ты, старый рыцарь печального образа, – неужто где-то здесь стоит, прислоненный к проволочным бухтам (индекс ДК-СС-735-94Б), твой надежный боевой щит?

Нам надо было перевезти металл, 200 килограмм железного листа, на неподалеку расположенный производственный участок. Машины здесь ходят большегрузные, и поймать свободную машину невозможно. Мы долго пытались остановить и договориться. Отчаявшись и глядя на проходящую мимо собачью будку с длинной плоской клеткой вместо кузова, я пожаловался в раздражении своему технику Михаилу – хоть на крыше этой клетки перевозки! И ушел горевать в контору. К Монплезиру и Прекрасной Даме увядших лет.

А через несколько минут что-то во дворе металлобазы случилось. Взметнулись к небу и переплелись звуки собачьей и человеческой речи... И наступила мертвая небывалая здесь тишина – на глазах потрясенных грузчиков, на глазах чашеграальских псов утративший сначала голос, но затем, обретя его, отгавкавшихся на несколько лет вперед... въехала собачья будка в ворота и на территорию металлобазы «Чаша Грааля». Вначале псы даже не онемели, они не верили своим глазам... я видел, как один старый заслуженный хрипун, сев на хвост, выбросил к небесам передние лапы, как бы к ним взывая, как бы пытаясь закрыть глаза и уши, чтобы не быть причастным к такому позору... В этой позе, в ее правдивости и экспрессии, он напоминал одного из малых пророков Библии, мечущего грома на головы непокорных колен

Израиля. (У колен этих были так устроены и форму имели такую головы, что горохом отскакивали от них укоризны как больших, так и малых пророков.)

«Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида! – Тиру и Сидону отраднее будет в день Суда, нежели вам».

Мтф. 11, 20-24

Я виновен, я много плохого сделал в жизни, но за эту оплеванную «Чашу Грааля» мне отвечать. Перед опозоренной этой металлобазой, перед грузчиками, еще не оправившимися от выпитого намеренно и так и не пришедшими никогда в себя после этого позора и унижения, перед всеми поколениями средневековых рыцарей (вот стоят они, съехавшись к воротам металлобазы, позванные в далекий путь ее чудным именем, все в надежных и от времени потемневших латах, с зарубками боевых топоров на поверхности этих лат, так что не различить родовые гербы, держат под уздцы своих боевых коней и смотрят на меня молча, с немой укоризной, только покачиваются перья на шлемах под невесть откуда взявшемся здесь ледяным ветром, и читаю я в их серых глазах, потемневших от въевшейся пыли бесконечных дорог, слова укоризны – за насмешку над главным, за убогость оценок, за глупое непонимание – потому что в месте, где впервые в прошедших столетиях было написано это святое имя «Чаша Грааля», необходима помощь, а не насмешка над людьми, обиженными судьбой и лишенными всего и навсегда!). И перед тобой, однорукий Мигель де Сервантес и Сааведра, перед хитроумным идалго дон Кихотом из Ламанчи, но, главное, перед этими безвинными и лишенными всего изначально чашеграальскими псами... Родину их, пусть неумыто-неухоженную, пропахшую мочой и матом, и ржавой плесенью индустрии, но единственную дарованную судьбой, я эту родину опозорил, унизил и навек отобрал!

На все, нами здесь на земле сотворенное, есть срок вины – но эта вина бессрочна!

Старый Рыцарь решил бы дело иначе, эта база стала бы в его глазах заколдованным замком, захваченным злыми волшебниками, все здесь превращенными наизнанку, так что псы утратили

первоначальную форму, а были они силой звери, мощные боевые псы рыцарей, полные ярости и отваги, и дама эта из Монплезира – Господи, слеп я недопустимо, ведь тосканский ордер колонн и сам Монплефир этот были прямым мне указанием на реальности сцены! – Прекрасной Дамой, над которой не смеяться, которую спасать было надо, выручать из рук этих грязных волшебников, все превращающих в пепел и плесень...

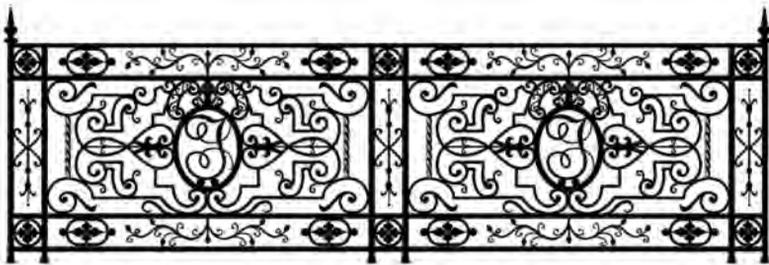
Старый Рыцарь, придя к этим воротам, ждать бы не стал и не стал бы раздумывать – укрепившись в седле бессмертного своего Росинанта, он угрожающе нацелил бы прямо в открытую дыру этих ворот острие боевого копья и тронул бы шпорами бока коня...

Потому что он прав был в своих безумствах – не должен видеть подобное человек, сохраняясь безучастным!

Но это старый Рыцарь, а это неверующий Фома, и вместе им не сойтись!

Я знаю – вышла ошибка, где-то там, наверху просчитались, и Рыцарь попал к нам недосмотром, из иного мира, где он вышел в свой путь. Там все иначе: все цветное и яркое, там летают, изрыгая огонь, драконы и, устав от полета, присаживаются полежать на зеленой лужайке и выпить чистой родниковой воды, там высятся замки с подъемными мостами, а в башнях заключены принцессы, и каждая красива и печальна, там злые волшебники творят заклинания, но каждому противостоит Рыцарь – готовый к бою, и ждать он не станет, – он никогда не проедет мимо беды и не примирится с неправдой, – это там –

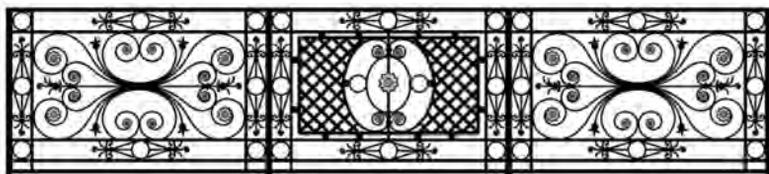
– а здесь, у нас, – куда недосмотром попал Рыцарь, здесь все настоящее, наше, взаправдишное – расчет и навар, законы, работающие на своих служителей, мир неправды и мир бесправных, заплеванные панели, обшарпанные стены домов, дворцы для немногих, избиваемые сутенерами проститутки, маленькие девочки, стоящие с протянутой рукой у роскошных сверхдорогих магазинов, никогда не державшие в руках эту чудную красавицу куклу, голодные бездомные псы, бомж, замерзающий в надвигающейся ночи, бездомнее бездомного пса, мочащиеся у стены Театра молодцы, на этот самый Театр и на все его художества...

Канатная, № 79а

Коблевская, № 1 и 40, архитектор Ф.В. Гонсиоровский, 1886 год; Новосельского, № 53, Нежинская, № 45

Ланжероновская, № 14

Гаванная, № 10, архитектор Д.Е. Мазиров, 1880-е годы*

* Прориси решеток приведены по книге «Балконы Одессы». – Одесса, 2012 год.

Он смешной, этот Рыцарь на своей худосочной коняке со своим длинным, никому не страшным копьём, – оглянись – вон он едет вдоль наших улиц и стоит на перекрестках наших дорог, в пыльных латах, на уставшем коне, и все покатываются с хохоту, и тычут в него пальцами, и кричат оскорбления, –

«Но мельниц колеса зимуют в снегу,
И стынет рожок почтальона»*

– хорошо и то, что он нашего языка не знает!

Но если тебе повезет его встретить, на улице или на перекрестке, подойди, поклонись и предложи свои услуги, – проводить его через лабиринт наших глаз и улиц и, взяв коня под уздцы, пойдись чуть впереди и рядом, иногда оглядываясь, чтобы правильно выполнить его пожеланья.

Я знаю – ты справишься...

И никому не расскажешь, как это было, это – наше с тобой, – остальные пусть дорастут!

---

* Осип Мандельштам. «Возможна ли женщине мертвой хвала...». 1935.